

ЮЛИАН ТУВИМ

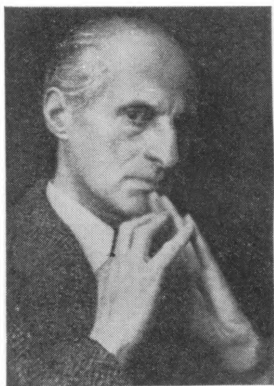

ЦВЕТЫ

ПОЛЬШИ

ЮЛИАН ТУВИМ

ЦВЕТЫ ПОЛЬШИ

Фрагменты поэмы

Перевод с польского
НИКОЛАЯ ЧУКОВСКОГО

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА — 1971**

Художник
Б. МАРКЕВИЧ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Когда гитлеровские войска оккупировали Польшу, Юлиану Тувиму, великому польскому поэту, человеку уже пожилому, удалось бежать. Это спасло его. Он оказался в Бразилии, за океаном, в другом полушарии, вдали от поверженной, растоптанной родины.

Там истекающая кровью родина представлялась ему с особой отчетливостью. Воспоминания обступили его. И он стал писать поэму о Польше, о ее красоте, о ее муках, о человечности живущих в ней людей.

По-видимому, он хотел написать поэму, как обычно пишутся эпические произведения,— с героями, со сквозным действием. Но Юлиан Тувим — прежде всего лирик по складу своего дарования, и лирические отступления, разрастаясь, громожась, заполнили всю поэму. Это лишило ее стройности, но придало ей необыкновенную эмоциональную силу, она стала одним из замечательнейших созданий поэта.

Лиризм Тувима связан с даром изображения — в своих стихах он всегда великолепный живописец с острым, приметливым взглядом, изобразитель природы, людей, быта. В Бразилии, в тропическом Рио-де-Жанейро, он вспомнил родные польские цветы. Начав с описания цветов, он перешел к людям, и, от картины к картине, вся довоенная Польша проплыла через его поэму. Он вспомнил свое детство, вооруженное восстание лодзинских рабочих в 1905 году; вспомнил мальчишек, с которыми играл когда-то на улицах, и грязные дворы, в которых проходила их жизнь; вспомнил вековую бедность и забитость польской деревни; вспомнил кухню в квартире своих родителей и всех людей, посещавших эту кухню,— нищего, печника, прачку, старьевщика, торговку цыплятами... Со страстной любовью он пишет о родине, о людях труда, и в стихах его звучит вера в необходимость революционного изменения жизни.

«Цветы Польши» Тувим писал четыре года — начал в 1940 году и кончил в 1944-м, уже переехав из Бразилии в Соединенные Штаты. Да и не кончил по-настоящему — поэма так и осталась собранием лирических отступлений, хотя был написан уже и эпилог. В течение всего этого четырехлетия Польша находилась под пятой оккупантов, шла мировая война, и Тувим жадно следил за событиями. Вот почему в поэме так много гневных строк

о фашизме, так много размышлений о прошлом и будущем польского народа. Ненавидя немецкий и итальянский фашизм, он с таким же презрением говорит о фашизме польском, о польской реакции. Он отлично понимает, что спасение Польши может прийти только с востока, и пылко следит за победами Советской Армии. Он не хочет для Польши западного, капиталистического пути развития и пишет:

Зато дружнее, по-соседски,
Дай жить с народом ста народов.

«Народом ста народов» он называл Советский Союз. Он любил Россию, отлично знал русскую поэзию, переводил Пушкина на польский язык. Эпиграфом к «Цветам Польши» он поставил две знаменательные пушкинские строчки:

И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет...

Не случайно прибег он здесь к Пушкину — связь «Цветов Польши» с пушкинским стихом несомненна. И эта глубинная связь с Пушкиным делает поэму Тувима еще ближе русскому читателю.

После освобождения Польши Тувим вернулся в разрушенную Варшаву. Мечты Тувима осуществлялись — польский народ строил народную, социалистическую Польшу. «Цветы Польши» вышли в свет и были встречены читателями с любовью. Польский читатель почувствовал глубоко

патриотическую основу этих страстных и горьких стихов, полных несокрушимой веры в торжество трудовых людей. Этим близки и дороги они и нам.

Тувим умер в 1953 году. Но, как это всегда бывает с истинными поэтами, значение его стихов с годами не уменьшается, а растет. Я не задавался целью перевести всю его поэму целиком — она состоит из вполне самостоятельных фрагментов, и мне хотелось показать те из них, которые больше меня взволновали. Предлагая советским читателям фрагменты из «Цветов Польши» в моем переводе, я надеюсь, что и стихи и мысли Тувима найдут дорогу к сердцам.

Николай Чуковский

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЖЕНЕ

**Гнилушки разлетаются,
как звезды...**

Словацкий

**И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет...**

Пушкин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗ ГЛАВЫ ПЕРВОЙ

I

Букет в деревне, как известно,
Завязывают туго, тесно.
Он пестрый — алтаря пестрее,
А формой — сердце, или веер,
Или палитра. С той палитры
Брал краски тот маляр нехитрый,
Из Равы¹ Рафаэль простой,
Когда в честь девы пресвятой
Писал он чувств своих цветенье
Тонами блеклыми, как тени.
Я не про веник речь завел,
Что часто ставят нам на стол,
Я не о милых чрезвычайно
Цветах, подобранных случайно,
Не об охапках полевых,
Которые, топча посевы,
Собирают дамы или девы,

¹ Р а в а М а з о в е ц к а я — городок в Польше, в Лодзинском воеводстве.— *Здесь и далее примечания переводчика.*

Чтоб верили в невинность их;
Я о букетах тех нарядных,
Подобранных со смыслом, ладных,
Хоть не столичных, но отличных,
Садовых, холеных, тепличных,
Которых ножницы стригут,
Которых лыком оплетает,
Черна и влюблена в свой труд,
Рука садовника. Он знает,
Как подобрать цветы; вставляет
Еще цветок то там, то тут
И, стебелек вплетая в жгут,
Оттенок новый добавляет.
Отложит, взглянет, вновь возьмет.
Стебли он движет, словно спицы,
Подымет, повернет — и вот
Вся форма заново рождается.
Из-под густых бровей глядит,
Как переливы красок громки,
И, кончик липовой тесемки
Зажав во рту, молчит. Творит.

Глянь: выбрал — откусил — и
вправил
И добавленьем оживил,
И пуповинкой перевил,
Перехватил, взглянул, отставил,

Еще один цветок воткнул:
Букет мгновенно розой вскрикнул
И тихо резедой шепнул,
Вздыхнул, качнулся и поникнул.
А он, вставляя желтый, синий,
Играет, как на клавесине,
На сочетаниях,— и вдруг
Вновь ножницы свои хватает
И снизу стебельки ровняет,
Ввергая все цветы в испуг.
И дрожь бежит через сады,
Народ на грядках в страхе жметя,
А мастер, в рот набрав воды,
Кропит букет свой и смеется.
Каков букет? Сейчас скажу.
Сперва о розах расскажу.

Не о карминных, косметичных,
По-королевски поэтичных,
Благоуханных, беспечальных,
На стеблях длинных, стройных,
бальных —
В метр высотой и густо алы,
Кроваво-алы, как кораллы;
Не об испанских, феодальных,
Невыразимо сексуальных,
Рубина пламеннее; с ними

Гноятся, полные угрозы,
Роняют лепестки, как ранки,
На грудь Анели-содержанки,
Уже пророча нам открыто
Ту кровь, что хлынет из убитой
Сегодня ли, через неделю...
Покинув нежную Анелю,
Идет он в «Адрию»; порой
И я там сиживал с женой;
Там на него глядит плечистый
Жеребчик, жадно пьющий виски,
Пускающий клубами дым,
А в дыме виден отсвет рдяный
Тех роз, кровавых, словно раны,
И ночь гудит свой пьяный гимн...
Не этим розам честь. Другим.

В букете сельском, как известно,
Все розы скромны, чисты, честны;
Они не пыжятся в витринах
За стеклами в бокалах длинных
И не стоят так прямо, словно
Друг друга съели хладнокровно,
Не происходят из Сарона
И не стремятся в дверь салона,
Они не пурпуром сверкают
И вверх голов не задирают,

А, словно брошенные жены,
Их долу клонят униженно
И на людей глядят в смущеньи,
Как бы у всех прося прощенья.
Изгнанницы оранжереи,
Со штамбовыми не жирея,
Они не горды и доступны,
И листики у них не крупны.
С пыльцою желтою, густые,
Они так просты, так не броски
На кофте девочки-подростка
Или в стакане. Вот какие.
И запах свеж их, как журчанье
Речной воды при обливаньи
Апрельском¹ в Лодзи, на Пётрковской,
Как хохот Зоси Опенховской.

Где ты теперь, красотка Зося?
Где эти косы золотые,
На грудь упавшие, витые?
Ты, как пшеничные колосья,
Как ветер полевой, прелестна,
Вся, вся ты в запахах медовых,
Вся словно ранний день воскресный,

¹ Апрельское обливание — польский народный обычай. На второй день пасхи парни и девушки обливают друг друга водой.

Когда в крахмальных юбках новых
По всем полям, по всем лесам,
По всем тропам, дорогам, селам
Шагают девушки к костелам —
Глаза подобны небесам
И иновлодзским¹ василькам;
Босыми шлепают ногами,
Неся ботинки за плечами;
Сияет утро, в поле нежась,
Над миром разливая свежесть;
Я на бревне уселся мшистом
И роюсь палкой в пне смолистом,
Тяну полоску янтаря,
Вытягиваю в паутину;
Лес пахнет, солнце греет спину;
Закрыв глаза — а в них заря!
Открыл глаза... Вот незадача —
Порвалась паутинка!.. Зрячий,
Не вижу кос... Где рифмы?.. Мимо!
Где стих? Где сон?
«Клубами дыма я окружу себя...»²
И плачу.

¹ И н о в л о д з ь — поселок в Лодзинском воеводстве.

² Строка из поэмы польского поэта Ю. Словацкого (1809—1849) «Беневский».

Моя мещанская, родная,
Не роза — розочка, — она
И неприметна и бледна;
Такой ее припоминаю:
От пурпура вода седьмая.
Она борщу сродни и жалкой
Малине, выросшей на свалке,
Где мусор, шлак, кирпич, где белый
Сверкающий обломок мела,
Где камень раскаленный, жесткий
(А в нем слюды прозрачной блески,
Под ним песок, и муравьев
Встревоженных испуг, досада;
Прекрасный тайничок для клада!
Я прятал там... О тайны зов,
О скрытых тайников услада!),
Где спит ночной горшок, где в злости
Башмак, как зубы, скалит гвозди,
Где на цикорий голубой
Садится махаон — прямой
Потомок ласточки; он, млея,
Вдруг крылья развернет и — чу! —
Летит на царскую свечу:
Все желтое ему милее;
Где дранка, донья кадок, ведра,
Коня издохнувшего ребра,
Или скелет дворняжки, или
Осколки лопнувшей бутылки —

Сквозь них весь мир похож на пиво;
Где треснувший колесный обод
И где трубы железный хобот,
Где обжигался я крапивой,
Где палкой я сбивал подряд
Весь люмпен-пролетариат
Растений,— там возрос, заплеван
Всей грязью свалки, куст малины;
Не зная бед своих причины,
Роняет он, разочарован,
Малиновые слезы; словом,
Есть что-то в розах тех от свеклы,
И от малины, в куче сора
Возросшей, и от помидора —
Они не пламенны, а блеклы.

Садовник, цветовых гармоний
Знаток, воспитанный в саду,
Прибавил к розе резеду;
Поэт бы вспомнил о пионе
И, может быть, об анемоне,
Чтобы добавить слуху сладость,
Чтоб в звуках поискать гармоний;
Садовник рифм не понимает,
Он только в цвете видит радость,
О цветовой игре радеет.
И так, прельщен тонов игрою,

Подпер он розы резедою;
Но если розы не багряны,
А словно борщ полны сметаны
(Смотрите выше, повторяться
Мне так не хочется, признаться),
То нужно зелени прибавить,
Чтоб розы воспылать заставить...
Тонов зеленых много есть,
И все их трудно перечесть
(Смотрите — «зелень»), но не сладишь
С пером, коль очень разойдется
(Год не писал!), и, правды ради,
Сказать о резеде придется.

Как борщ (в борще, конечно, ушки!),
Прообраз роз провинциальных,
Так резеды прообраз дальний —
Плод дикий, мелкий, плод опальный —
Опавшие лесные грушки.
В них гниловатость, рыжеватость,
А в мякоть терпкую вгрызешься —
Крупчатость в ней и пьяноватость,
Как сахар, кофеем политый,—
Такая в ней коричневатость.
Цветочки резеды покрыты
То ль ржавчиною, то ль растертой
На терке апельсинной коркой,

Они так губчатые, так мшистые,
Так пористые и так пушистые,
Чтоб темноту впитать, прохладу,
Так ржавые потому, что рядом
Овраг с зеленоватой жижей,—
А в жиже ряска, муть, гниенье —
Овраг в каком-нибудь Закшиже,—
Что о лесном происхождении
Свидетельствует без сомненья.
(Со мной ботаник никогда
Не согласится — резеда
Вполне садовое растенье.)
А запах! Как перо опишет,
Чем резеда свободно дышит?
Как много разных слов мне нужно,
Хитросплетений, ухищрений,
Метафор, образов, сравнений,
Как утомлю свой мозг недужный,
Блеснуть стараясь перед вами
И запах выразить словами.
Слова беспомощны и лживы,
Слова бессильны и фальшивы,
Они снуют туда, обратно,
Как осы вокруг цветка, в него
Стремясь пролезть,— и ничего,
А ты нюхнешь — и все понятно.
Возьми жасмин, глаза закрой,
И все ж увидишь — он молочен

И желтизною оторочен,
И лепестков прелестен строй,
Кустов увидишь тьму густую,
Бутоны, как яички птичьи,—
Все пред тобой во всем величьи,
Когда хоть раз нюхнешь всленную.
И роза запах льет особый
Для глупенькой твоей особы
(И для товарок-роз, которых
Мы можем обвинить в повторах),
Благословляя дня восход,
Тебе свой паспорт подает.
Ты в комнате, в спокойном кресле;
В саду растущая, она
Все о себе расскажет, если
Ворвется ветер из окна.
В окно врывающийся ветер,
Союзник верный ароматов,
Все свойства розы вместе свяжет,
Все их подробно перескажет,
Вернее, чем в любой анкете.
Как пахнут незабудки в миске,
Которых давит камень склизкий?
А как нарцисс, изящный, чуткий,
Красавец принц со шпагой бравой?
Какими выразить словами
Дыханье мяты над ручьями?
Стать за аптекарский прилавок,

Всех угощая неустанно
Зубною пастой ароматной?
А может, вы возьмете, панна,
Вот этот эликсир приятный?
Вот перermint для прохладенья,
Он, безусловно, наслажденье
Гостям доставит, освежит их,
Жарю разморённых, сытых...
Все описанья аромата,
Перечисленья и сравненья
Дают, конечно, представленье
Читателю, как пахнет мята,
Однако, если не предвзято
Судить, мы скажем беспристрастно,
Что ведь не мята пахнет пастой,—
Зубная паста пахнет мятой.
И запах описать, не скрою,
Мне не удастся никогда.
Признаем — просто резедою
Обычно пахнет резеда.

.
Как пахла ты, сирень Варшавы,
Когда, несносна и пьяна,
Руины грубо украшала
Неволи первая весна?
Бесстыдно-синий свод небесный
Тебя раскрасил синевой,
И плыл по Жабьей запах твой,

И по Нецалой, по Крулевской ¹.
И над прудом он плыл, над тиной,
Над тою горкой величавой,
Где птицы в тот сентябрь кровавый
Пред гибелью неотвратимой
Последней песней лебединой
Прощались со своей Варшавой!
Ты не краснела виновато
За аромат свой в этом сраме?
Молчи. Нам не до аромата.
Но как раздутыми ноздрями
Вдохну твой запах влажный, сонный,
Когда я встречусь вновь с цветами
В моей стране освобожденной!
Таким салютом аромата
Ты грянешь в день освобожденья,
Что позавидуют сирени
Орудия и автоматы,
Тобой украшенные гордо
И бьющие в тупые морды
Бандитов, подлецов проклятых,
Грабителей, мерзавцев, катов,—
Не только палачей гестапо,
Да гитлеровцев, да расистов
Я в этот список внес нечистый...

.

¹ Названия варшавских улиц.

IV

.
О лимфатические дети
Балут! ¹ О лиц их острота!
(Как будто вырезаны эти
Черты из серого листа.)
О призрачные человечки,
О маленькие старички,
Пускающие челночки
Бумажные по грязной речке,
Что от фабричных сточных вод
Так жирно, радужно цветет!
Мечты плывут за челночками,
Плывут и крысы — за мечтами.
Вот ветер, всколыхнув траву,
Напев безумный из тумана
Донес: «J'ai heurté, savez-vous,
D'incroyables Florides» ². То Пьяный
Корабль плывет сквозь океаны
Средь волн, средь красок, средь чудес.
И вдруг: «Уж если сердце здесь
По европейским водам тужит,
Так только по вонючей луже,
В которой детская рука,

¹ Балуты — предместье Лодзи.

² «Я натыкался, знаете ли, на невероятные Флориды» (*франц.*). Цитата из «Пьяного корабля» Артюра Рембо.

Мелькая в сумерках, пускает
Корабль нежнее мотылька...»¹
Но вот уж золотарь въезжает
Во двор на бочке; во дворе
К зловонной мерзостной дыре
Детей он сразу увлекает.
Затем является на двор
Артист блистательный — жонглер,
Всегда, повсюду окруженный
Детей толпою восхищенной.
Линялый расстелив ковер
И сняв пальто, он остается
В телесном с пестрядью трико;
И вот по воздуху легко
Бутыль восьмерками несется,
За ней вторая. Посмотри —
Теперь уже их целых три!
На небе дети. Я же — ниже.
Я на земле. Стою, застыв,
Среди полей. Вокруг колышет
Летучий вихрь колосья нив,
Ласкает их, играет ими,
А вместе — мыслями моими:
Что нету хлеба у людей,
Что голод в их глазах лучистых,
Что, несмотря на ширь полей,
Таких богатых, колосистых,

¹ Цитата из «Пьяного корабля».

То золотых, то серебристых,
На щедрость добрых летних дней,
На свет небес лазурных, чистых,
Жизнь беднякам для их детей
Дает лишь вонь балутской грязи,
По лицам ползающих вшей,
Крыс да клоаки безобразье!..
Так где же, наконец, ответ?
Ужель ищу его напрасно?
Нет, непонятен божий свет —
Зловещий, жалкий и прекрасный.

Промчалось двадцать восемь лет,
А мне, как прежде, все неясно.

«Бродяга, царь дорог», в пыли
Стою я у крестьянской хаты.
Соломою стрехи покатою
Она касается земли.
Она в лишайники одета;
Мох серый из щелей торчит,
Как волос на груди у деда,
Который на крыльце сидит
И тянет дым махорки черной...
В сенях же допотопный жернов
И поросенок — он упорно
В помой лезет и хрипит.
А в хате на столе стоит
Похлебки жидкой, постной миска,

Одна на шестерых. И низко
Над внука головой склонясь,
Старуха ищет. Дым, вонь, грязь,
А на полу — младенцы, куры,
Хлеб кисел, жесток и тяжел,
И весь такой же черствый, бурый,
Как этот глинобитный пол...
У доброй пани Михаловой
Я выпиваю молока
И — в путь. Дорога далека.
И снова думаю, и снова
Рвет, мнет, крошит моя рука
В негодовании и злости
Густые спелые колосья.
Внезапной яростью объят,
Что я топчу и истребляю?
Несчастье? Счастье? Я не знаю.
Но в гневе мчусь я, как снаряд,
Детей из Лодзи вспоминаю
И всей мужицкой жизни ад!
А глянь, от края и до края
Поля так щедро хлеб родят,
Так в золоте лучей горят!
Да, я снаряд! Снаряд, готовый
Взорваться нынче поутру!
Разрушу! И построю новый!
Я вырву зло! Сотру!

.

VI

Grande Valse Brillante

Ты помнишь, как мы кружились в
вальсе,
О панна, мадонна, легенда тех лет?
Ты помнишь, весь мир вертелся в
танце,
В объятьях моих танцевал весь свет!
Богохульник трусливый,
Я прижал торопливо
Те цветущие втайне, те две,
Те, что дышат так южно,
Подымаются дружно
И, как вся ты, — в догадках, во мгле.
Над двумя — два блестящих.
Если б видеть их чаще!
Но склонялись они предо мной,
Будто вниз улетали
И лазурью ласкали
Этот — эту, другую — другой.
Громче гром и струн и труб,
Больше рук и шире круг,
И все чаще и чаще,
Святотатец пропащий,
Пятернею дрожащей

Твой бутон, твой просящий
Я нащупывал вдруг.
Ярче солнца спины труб,
Шире, шире, шире круг,
Мчится вихрь,
извиваясь,
Как волчок,
расплываясь,
Колыхая все лица вокруг.

К потолку подлетая,
Носом звезды сбиваю,
А по полу ступая,
Силачам подражаю.
Весь я жарче пожара,
Грудь я выпятил яро,
Чтоб в мужья получила
Ты атлета, гусара.

Я от счастья, от пота
Бормочу тебе что-то,
Да, в мужья ты получишь,
Так и знай, идиота.
Но словам ухажера
Ты внимаешь без спора,
Нет, в мужья ты получишь
Чудо-парня, танцора.

Вдруг я вздрогнул в испуге:
 На двенадцатом круге
Оторвалась подошва
 Кандидата в супруги.
Мне и стыдно и тошно,
 Но ведь парень я дошлый,
И, танцуя, тащу я
 За собою подошву.

С грациозностью дерзкой
 И чардашно-венгерской
Я кружусь бесшабашно
 С той подошвою мерзкой.
На штанинах заплаты
 И на морде заплаты,
Шесть копеек в кармане —
 Вот какой я богатый!

Я как уж извивался
 В этом дьявольском вальсе,
Вдруг колечко нащупал
 У тебя я на пальце.
Помрачневший, как вьюга,
 Стиснул пальцы я туго —
За колечко чужое
 Ты ответишь, подлюга!

Дам колечко другое:
Своей злою судьбою
Твою нежную шейку
Затяну, как петлею.
Отомщенный влюбленный,
Посмотрю озлобленно,
Как в петле ты заплывешь
Вероломной мадонной.

.

ИЗ ГЛАВЫ ВТОРОЙ

Седая мгла, сырая мгла,
Мгла без просвета, без оконца!
Сквозь дымку темного стекла
Так смотрят на затмение солнца.
Прогулка встарь меня вела —
О злая мгла! Густая мгла! —
Вперед, назад, до поворота,
Вдоль по Короткой до Наврота ¹.

Сквозь иней слез, сквозь мглу кругом
Передо мной встает знакомо
Вновь каждый магазин и дом
И каждое окошко дома.
Сквозь иней слез, сквозь слез вуаль
Опять встает родная даль.
Ведь в мглистый день тоска слабее
И видишь прошлое яснее.

Сегодня в Рио ² польский день,
Дождь польский, камешки сырые.
Как судно-призрак, судно-тень,

¹ Названия лодзинских улиц.

² Рио-де-Жанейро. В этом городе во время войны жил несколько месяцев Юлиан Тувим.

Сегодня Лодзь wpływa в Рио.
Иду гулять мечтам вослед.
Куда? На Авениду? ¹ Нет.
Вдоль по Короткой до Наврота —
Вперед, назад, до поворота.

I

Глава из детской «Farbenlehre»: ²
Цвет города — землисто-серый;
Рабочий — старый, бородатый,
Он ест картошку, в пыль садясь;
Цвет кожи грязно-желтоватый,
Поскольку холод, голод, грязь.
У тройки ³ желтые вагоны,
Она довозит до кладбища,
А на четверке на зеленой
Приедешь ты в Галенов ⁴ нищий.
Девчонка служит в магазине —
Подручной в магазине мод,
Цвет губ ее прозрачно-синий,
Поскольку голод, холод, гнет.
Пятерку по полоске белой
Ты отличишь от прочих смело.

¹ Улица в Рио-де-Жанейро.

² Наука о красках (нем.).

³ Здесь и дальше автор имеет в виду номера трамвайных маршрутов в Лодзи.

⁴ Предместье Лодзи.

Рабочий в бег машины новой
Все силы до конца вложил,
И цвет лица его — свинцовый:
Металл всю кожу продубил.
Десятка нежно голубеет,
А двойка пылко пламенеет.
Наборщик, кашляя привычно,
Больным румянцем залился,
И цвет лица его — кирпичный.
Вот вам и «Farbenlehre» вся.
Восьмерку не припоминаю...
В полоску? Желтая? Не знаю...
Но помню — всей своей громадой
Она легла, как баррикада,
На мостовую (возле Зильке,
Напротив лавки Петерсильге).
За ней толпа гудит опасно,
А над толпою стяг прекрасный,
Стяг — вызов, ненависть, любовь,
А цвет его — кроваво-красный;
На нем горит рабочих кровь.

Так стрелочник, став под рябиной,
Флажок свой красный подымает,
И поезд тяжелый, длинный-длинный,
Внезапно бег свой замедляет,
И машинист, обеспокоясь,
Опасность чуя и угрозу,

Глядит вперед из паровоза,
И вот остановился поезд
В степи, ветрами овеваем...

Пётрковская за Гранд-отелем
Пуста. А здесь, перед трамваем,—
Столбы и бочки; а за ними,
Глянь, с браунингами боевыми
Боевики глядят в пустую
Безжизненную мостовую,
Вдоль улицы. Там тишь. Молчанье.
И здесь молчанье. В ровном громе
Толпы, что ты расслышишь, кроме
Масс человеческих гуденья,
Уже плывущих от Видзевы
К Балутам? В том же направлении
С Наврота, Глупной и с Пшеязда
По Пётрковской, справа, слева
Народа волны, полны гнева,
Текут и рвутся в Старе Място;¹
Но невозможно протолкаться,
До лавки Ульриха добраться —
У баррикад толпа такая
Густая, будто мостовая
Вся вымощена не камнями,
А головами, головами.

¹ Старый Город (польск.). Так называется старинная часть Лодзи.

(Кость в домино такая есть,
Она зовется дупель-шесть.)

Окаменевший, я с балкона
Глаза таращил удивленно
На стяг кровавый у вагона.

Вдруг по пустыне оголенной
К нам двинулся с угла Зеленой
Малюток странных строй сплоченный,
И перед каждым — блёстка стали.

Малютки эти вырастали
И наконец большими стали.
В руках — штыки. От поворота
То рота двигалась пехоты.
Околышки. Все ближе к цели.
Остановились. Перед ротой
Короткий пляшет офицерик.

Танцуют ноги drobный танец,
На сапогах танцует глянец,
Летает ручка, словно муха:
То усики разгладит палец,
То чешет где-то возле уха,
Как будто в ухе зазвенело,
Поправит шашку этак, так
И на эфесе мнет темляк.

Толпа застыла и не дышит.
Такая тишь, что уши слышат
Секундной стрелки легкий стук,
Той стрелки, что свершает круг
В руке поручика, который
Следит за нею, скрыв испуг.
Зрачки его мелькают белкой,
На флаг посмотрят, вздрогнут мелко
И вновь, и вновь следят за стрелкой.

А тишина все длится, длится...

Тридцать седьмой пехотный
Полк
Глядит в скопление плотных
Толп,
Глядит, взглянув от цели
Вкось,
Как вертит офицера
Злость.

А тишина все длится, длится...

Короткий шелк. Все притаилось.
То крышка на часах закрылась.
Срок ожидания кончен, значит.
Часы в карман поручик прячет,
Эфес качнул рукой короткой
И дернул тихо подбородком.

Затворы лязгнули вразтяжку.
Приклады в плечи вжаты тяжко.
Но только выхватил он шашку,
Вдруг грянуло из-за трамвая,
Загрохотало из-за бочек!
Как будто гром в начале мая,
Стальная трескотня стрекочет.
И шашка вверх летит, блистая,
И — «рота, пли!».

Струя густая,
Свинцовая, но золотая,
Сверкнув, помчалась из стволов.
Толпа завывала, покатилась —
И треснула, и развалилась
Вся мостовая из голов.
Толпа отхлынула нестройно
И закружилась беспокойно,
Бурлит смолой, в котле кипящей,
Гудит, как черный рой, летящий
В испуге из родного края,
И разлетается, как брызги,
Как пыль, как щепки, как огрызки,
И только не переставая
Бьют браунинги из-за трамвая.

Пустеют окна и балконы,
Мать плачет, проклиная, просит,
Берет меня и непреклонно

С балкона в комнаты уносит.
По комнатам метались так же,
Как за окном, а там стреляли,
Но приглушенно... там кричали,
Но где-то впереди... и дале...
Открой балкон, твержу я маме,
Но мама залилась слезами.
Балкон откройте! Что творится!
Смотрите, как неугомонно
Толпа клокочет у вагона,
Волною черною струится.
Смотрите! Подхватили знамя,
Оно плывет над головами,
На фонаре ему просторно —
Багряное горит над черным!
...Черно в глазах, черно кругом.
Плывет весь город, каждый дом,
Кричат все окна, все балконы —
Проклятья, плачи, вопли, стоны
Слились в единый крик протяжный;
И город весь многоэтажный
Плывет торжественно и важно,
И наш плывет со всеми дом,
Морскими волнами влеком,
А вот и песнь про знамя реет:
«И несет
 клич борьбы,
 мести гром,

И семя грядущего сеет,
Оно горит и ярко рдеет —
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем...»¹

.

VIII

.

My country is my home². Отчизна —
Мой дом. И Польша, в самом деле,
Дом для меня, моя отчизна,
А страны прочие — отели.
Дом. Комната. Мой стол рабочий,
А в нем (ты помнишь?) этот ящик,
В котором столько завалящих
Вещей. Ненужные портфели,
Квитанции, болты, иголки,
Какой-то лампочки осколки,
И запонки, и пара трубок,
Пустой синдетикона тубик,
Пинцет, пипетка, молоточек,
Истертый рваный кошелечек,
Костяшка (в домино играли),

¹ Слова из революционной песни
«Красное знамя».

² Моя страна — мой дом (*англ.*).

Билет, не сданный на вокзале,
Какой-то замшевый футлярчик,
И лак, и кисточка, и ларчик,
И пресс, и пробка, и булавка,
Давно просроченная справка,
Перо (подарок деревянный),
На нем есть надпись: «Закопане»¹.
Ключ — от чего? Винт — от чего?
Но уж теперь «ни для чего».
Ты, словом, знаешь этот ящик...
В нем нет сокровищ настоящих,
Но если все переберешь,
Ты сердце вдруг свое найдешь
Среди предметов, там лежащих.
Ненужно, нужно — пусть лежит,
И в час уборки деловитой
Храни весь этот сор забытый —
В нем жизни прежней след сокрыт,
Ты с ним живешь, не замечая...

Так и с тобой, страна родная:
Не позволяет что-то нам
Убрать привязанностей хлам,
Такой ненужный, обреченный.
Пусть все лежит, как и лежало.
Что? Суеверие? Пожалуй.
Нет, миф, — поправил бы ученый.

¹ Курорт в польских Татрах.

Из повседневной мифологии,
Из призраков минувшей жизни,
Из краски, линии, мелодии
Вдруг вспыхнет память об отчизне,
Такая подлинно родная,
Знакомая так несомненно,
Что ты почувствуешь мгновенно:
Она! Твоя! Твоя! Живая!

А это ведь сильнее, чем сила
Баториев ¹ и Ягеллонов ²,
Которых столько лет спесиво
Своим враньем превозносила
Толпа певцов и фанфаронов!
О вы, истерики истории,
Вы, пересмешники истории,
Шуты истории, которые
Рифмуют «глорию» с «викторией»!
Вы — гуси, что весь век мололи
О предках, спасших Капитолий!
Я ненавижу вас за то,
Что «в свете пафоса событий»
Вы жижу грязную струите
В историю, как решето.
Хотите Польшу вновь заставить

¹ Стефан Баторий — польский король (1533—1586).

² Ягеллоны — династия польских королей, правившая в Польше в XIV—XVI вв.

Плестись по «миссиям», «эпохам»,
Чтоб каждый журналист-пройдоха
Жирок накапливал неплохо
На памяти о прошлой славе?
Все «миссии», «эпохи» — на фиг!
Чем нам с историей возиться,
Не лучше ли нам поучиться
Ботанике иль географии?
Вон, рифмоплет, вон, сплетник клейкий,
Воспевший славы пустоту!
Не скроешь полотном Матейки ¹
Отчизны нашей нищету!
Ты нам «величие» предскажешь —
Орлы, знамена и штыки,
Народу же, как встарь, прикажешь
Носить дырявые портки.
Пером шныряя «благородно»,
К «величию» ведешь нас ты,
А твой народ, всегда голодный,
В избе вонючей и холодной
Затянет туже животы
Иль на дороге «величавой»
Совсем лишится их — и в ряд
Курганы встанут, и кровавый
Посев костей укроют травы

¹ Ян Матейко (1838—1893) — польский художник, автор картин из истории Польши.

В пустых полях... Вот результат
«Пути величия и славы!».
Смотри, от нас невядалеке
Вот «die Geschichte»! ¹ Шлюха злая,
В крови по горло утопая,
Лежит в сожженном бардаке.
Вот жертва «миссий», «указаний»,
«Истории предначертаний».
Она того вина хлебнула,
Что дал ей сутенер, «герой»,
Внучок по линии прямой
Херусков, вольсков и герулов! ²
Смотри — второй того же стана:
Birbone, furbo, truffatore,
Il grande storico gridore ³,
Античных римлян обезьяна.
Как «величавы» оба друга!
Как «исторична» их заслуга!
Экзамен сдали! Принесли
Достаточно «величья» в торбе,

¹ История (нем.).

² Названия древних германских племен. Гитлеровская пропаганда приписывала этим племенам героические черты, которые якобы унаследованы от них современными немцами.

³ Итальянские слова, означающие: подлец, плут, мошенник, великий исторический крикун. Автор имеет в виду Муссолини.

Чтоб Urbi показать и Orbi¹.

Как эту шлюху... ли...

.

О жулики! Торговцы мясом!

Вы кости предков на прилавки

Несете для продажи массам,

А под прилавком в вашей лавке

День Нынешний от всех припрятан,

Он аппетитен и приятен,

Он лишь для вас, он — награждение

За мужество и вдохновение.

О вы, мошенники, прохвосты,

Пропагандисты «сильной власти»,

Сулящие в Грядущем счастье

Для всех, все радости и сласти,

А ныне — пир лишь для «пророка»

За то, что дальновидно око,

За то, что, загоняя в рай,

Кричал на всех: «Давай, давай!» —

А прочим пост, беда, напасти.

Моих «вождей» и «патриотов»

Терзала зависть год от году:

«Ах, если б к нам явился кто-то...

Ах, если б нашему народу

¹ Городу и миру (лат.). Так начинались все постановления древперимского сената.

Найти такого полководца!
Он враг? Он немец? Да. Согласен.
Но лишь взгляну — и сердце бьется:
Так он велик и так прекрасен!
Он черт? И с чертом я согласен!
Он — мощь! А нам необходимы
Могущество, и власть, и сила.
Так в бой, вождем руководимы,
За идеалы! Выше знамя!
Ведь нам поэзия твердила,
Что вера двигает горами,
Что слово — основание дела...
Шопен — он тоже будет с нами!
Народ воспрянет с верой смелой
В могущество свое. Когда бы
У нас подобный вождь явился,
Поляк, конечно, Пяст¹, конечно,
Мы больше не были бы слабы,
И мир тому бы подивился,
Что натворит народ примерный,
Дисциплинированно-верный».
— Я знаю, — выскажу я мнение, —
«Победоносные народы»,
Все знаю беды и невзгоды,
Что им терпеть придется годы.
Предпочитаю поражение

¹ П я с т ы — династия польских королей (X—XIV вв.).

Тому, чтоб в Польше, злобно вихрясь,
Поднялся вдруг до облаков
Моторизованный антихрист
С правительством из дураков.
И что за идеалы это?
Пусть он скотиной польской будет,
Пусть польских он твердит поэтов
(Шопена он за нос осудит),
Пусть польским родом, польским нравом
Пред немцем будет величаться,
Пусть даже будет отличаться
От «Dichter'a» ¹ с ножом кровавым,
От «Denker'a» ², пещерным раем
Манящего,— он будет, право,
Лишь подлецом и негодяем.

Мы люди скромные, простые,
Не великаны, не сверхлюди,
И мы просить у бога будем
Пути к величию другие:
Грянь в колокол, и злые тучи
Позолоти огнем зари,
И светом молнии летучей
Над нами небо озари.
От пепла, от кровавых пятен
Дай нам очистить дом родимый,

¹ Поэт (нем.).

² Мыслитель (нем.).

Дай смыть наш грех невыносимый,
Пусть будет беден, но опрятен
Дом, на кладбищах возводимый.
Земле, когда она воскреснет,
Горя свободой золотой,
Правителей дай умных, честных
И сильных мудрой добротой.
Когда народ расправит тело,
Пусть мощный он кулак возденет,
Чтоб труженики стали смело
Владельцами всех владений,
Банкиров разгони и сделай,
Чтоб деньги не рождали денег.
Пусть гордый чванство позабудет,
А смирный, гневом пламенея,
Подымется, и пусть не будет
Ни элина, ни иудея...

.
Мы жизни вольной и счастливой
Для всех, кто был раздавлен, просим.
Дай нам хлеба из польской нивы,
Дай нам гроба из польских сосен.
Словам, скотами загрязненным
И подлецами извращенным,
Верни их смысл, верни правдивость,
Пусть будет впредь закон законным
И справедливой справедливость.
Пускай же правда перестанет

Быть песен, сказок, снов уделом,
Ты дураков лиши мечтаний,
Мечтанья умных сделай делом.
Готовы к благу мы причислить
Пожар, что весь наш край разрушил,
Коль он огнем своим очистит
От мерзкой гнили наши души.
В большом ли, в малом ли обличьи —
Нам Польша как бы ни предстала,—
В большом — дай нам сердце величье,
Сердце величье — если в малом.
Отгороди нас от немецкой
Земли стеной до неба сводов,
Зато дружнее, по-соседски,
Дай жить с народом ста народов!..

.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИЗ ГЛАВЫ ПЕРВОЙ

I

Поэзия! Как ты зовешься?
Как? Творчеством? Себя творишь?
Огнем горишь и дымом вьешься,
О жатве, сея, говоришь?
Ты сыплешь в темень звездопадом,
Хочу набрать я звезд, но нет
Уж ни одной из тех, что градом
Летели в тьму: со мною рядом
Остался только звездный след.
О чаша! Будь одновременно
И опьянением и вином,
И пьяным пением и сном,
И сновиденьем, что блаженно
Припоминается потом.
Беру тебя, мой кубок тайный!
Посев ты сеешь урожайный,
Ты и начало и конец,
Ты цель, но ты же и причина,
И в честь вина́ вкушая вйна,
Веду я вечность под венец.

Поэзия! В честь юбилея
Мой тост. Минуло тридцать лет
С тех пор, как ты зажгла свой свет
Мне — и Адаму и Орфею,—
И ночи той размылся след.
И, предан аду или раю,
Уже я десять тысяч дней
Вершины, бездны посещаю...
Одиннадцать, чтоб быть точней.
Как! Тысячу отдать в подарок?
И часа я не уступлю,
Минутка — и ее люблю,
Минутный поцелуй так жарок,
А боль минутную — стерплю.

То было время превращений
Зимы в весну — сплошной разлив
Стремлений, размышлений, лени.
(А я ужасно был ленив.)
Тоску сгущая постепенно,
Мной незаметно завладел
Час междуцарствия, Шопена...
А конь на крыше ржал, ржавел.
Был виден из окна на крыше
Конь металлический. Он звал
Меня к себе, все выше, выше,
Чтоб я вскочил и поскакал.
А я в окно смотрел уныло,

Плыл грязный сумрак за окном,
И только звезды были милы...
Ну что ж, воспрянем, оживем!
Неси меня над Трубоградом,
Ветеринарный аргамак,
Пусть эти звезды будут рядом,
Вези меня за зодиак,
Вези меня в тот беспечальный
Сад зоологии астральной,
Тебя там сразу отпущу
И на Медведицу вскочу.
Но ни налево, ни направо
Не двинулся мой конь. Промок,
Продрог, задымленный и ржавый,
И даже не заржал. Не мог.

В дождливой хмури, в днях без солнца
Угрюмо жизнь его прошла.
(О злая мгла! Сырая мгла!
Мгла без просвета, без оконца!)
Пегас мой жаждал волшебства,
Хотя был накрепко прикован,
Звал ТО, что управляет Словом,
И ТУ, что делает Слова.

И ТО пришло, и ТА пришла.
(О эта золотая мгла,
Опаловая, как от солнца!

Бывало, по полю идешь,
И капли золотые дождь
Разбрасывает, как червонцы,
Как брызги яркого стекла.)
Где адрес твой, такая мгла?
ЕЕ не ты ли родила?

Между зимою и весною,
В полумечтаньи, в полусне,
Меж темной ночью и зарею
Она явилась вдруг ко мне.
И назвалась. И дивной страстью
Пылавший взор приговорил
Меня к отчаянью и счастью.
Конь, получивший пару крыл,
Затрепетал и их раскрыл.

.

Поэзия! Светильник ты
Волшебный и лабораторный,
Ты как сосуд огнеупорный,
Вместивший веру и мечты.
О математика анархии,
Как беспощаден твой расчет.
Ты химик в облике гадалки —
Трезва, а рядом пьяный сброд.
Ты непристойная, нагая;
Себя гашишем опьяняя,
Ты буйно в небо бьешь ногой,

Но прежде, чем себя ты взбесишь,
Ты, как аптекарь, точно взвесишь
До унции наркотик свой.
Ты в вечность, словно в мяч, играешь
Средь звездных парков и лесов,
Но осторожно проверяешь
Колесики своих часов.
Так Фауст, слитый с Эйнштейном,
Видения в пробирку льет,
В своем обряде чародейном
Цепь точных формул создает;
Так бури снов и бури бунта,
Так буйства красок, звуков, рифм
Смиряет циркуль, логарифм
И дисциплина контрапункта.

.

VII

.

Из синевы возник дворец
И окнами пылает.
Король Варшавский наконец
На троне вопрошает:
«Как в Лодзи у меня живут
Мальчишки славные с Балут?»

Открыл гофмейстер двери вдруг,
Подходят к трону ближе
Пила и Соня, Мышь и Лук,
И Хромоног, и Рыжий.
«Мои!» — король провозгласил.
«Твои!» — весь хор их подтвердил.
«Как вы живете, расскажите,—
Стал их расспрашивать король.—
Обиды, жалобы несите,
Поможем вам, излечим боль».

Их было шесть. Пять говорило,
Шестой — ни слова. Как могила.

Так затрещали в тронном зале,
Что все министры убежали.

Твердили жалобы свои,
Как мартовские воробьи.

Пять говорили, как пятьсот
Пичуг чирикает с высот.

Шестой — как призрак из могилы.
Он, крикнуть не имея силы,

С владыки не спускает глаз...
И вот король прочел приказ:

VIII

«Мы, божьей милостью, Варшавы
Король великий, и маркграф
Балутский, герцог Лютомерский,
Бжезинский, Радогоский, Згерский,
Граф Хойновиц и Побяниц,
Рогова, Рудзы, Жаковиц,
Горы Вишневой и Крашева,
Стрыкова, Гловни и Видзева ¹
И прочих лодзинских застав,—
Навек МАЛЬЧИШЕСКОЕ ПРАВО
Провозглашаем:

I. Все дворы
Свободны для любой игры.
II. Даем мальчишкам во владенье
Из шлангов улиц орошение.
III. В уборную свободный вход
Теперь имеет даже тот,
Кто на чужом дворе живет,
А злой обычай вековой,
Что «ключ у дворника»,— долой.
IV. Свободно плавать по канавам
И лужам. V. Обладают правом
Все мальчики в подвал входить
И там добро свое хранить.

¹ Названия лодзинских пригородов, предместий и улиц.

VI. В мороз все могут невозбранно:

1) Влезть в сени дома № 6 —

Горячая там стенка есть

И пахнет хлебом; 2) у Гриншпана

Набрав рогож, под ними спать;

3) Со всех телег таскать солому;

4) С платформ мешки и тряпки брать,

Чтоб ими плечи укрывать;

5) Кокс поджигая, возле дома

Сидеть на корточках; 6) ломать

Заборы на растопку. VII. Стены,

Сад стерегушие кругом,

Отныне посыпать стеклом

Не смеют,— надо непременно

Доступным сделать сад для всех,

Чтоб всякий прыгал без помех.

VIII. На козлы лезть, брать в руки вожжи

Отныне детям разрешить.

Хромого же — он влезть не может —

Возница должен подсадить.

IX. Плоды от дерева любого —

Тому, кто дерево тряхнет.

X. Коль чижи́к дыбом встал, весь счет

В игре начать должны вы снова.

XI. Игре же «в классы» много зла

Принесено той мыслью вредной,

Что, мол, черта, что стала бледной,

Не обязательна была.

(«Я говорил!» — взглянув победно
На Рыжего, шепнул Пила.)

XII. По делу прятки: 1) лишь последний
Водить обязан; 2) выручать
Лишь так: рукой в окно стучать.
Все остальное незаконно.

XIII. Когда твой змей, начав взлетать,
Вдруг, зацепясь за край балкона,
Застрянет, можешь ты пройти
Через квартиру и спасти.

XIV. Нуждающимся в изучении
Вопрос о «блошках» признан. Рад
Его б решить, но ваш доклад
В душе у Нас родил сомненья:
«Ведь пальцы не одной длины
Природой игрокам даны,
Отсюда правил прежних лживость
И всей игры несправедливость —
Кто очень молод, ростом мал,
Тот непременно проиграл».

XV. О сюртуках. В своем прошеньи
Вы ждете Нашего решенья.

Да, ваши доводы умны
И справедливости полны.

Насмешки вытерпеть не просто,
А мальчик маленького роста
В отцовском сюртуке до пят
Смешит и взрослых и ребят.

Когда шагает он из школы,
Ему кричат: «Спектакль веселый!»,
«Потеха!», «Шутовской наряд!»

Портным отныне повелят
Обрезать ребятам полы.

XVI. На перья ныне курс такой:
За два рондо одно простое.

XVII. Вы просите, чтоб чаще втрое
Жуки ловились. Всей душой
Мы чтим желание такое.

Но не у короля в руках
Жуки, он в них не полномочен,
Давайте же попросим очень
Весну-царевну о жуках.

XVIII. По Нашей Королевской воле
Отныне нами утвержден
Статут Трамвайный и Закон:

- 1) Никто теперь не смеет боле,
Покинув на «кольце» вагон,
Бросать билет. Билетом этим
Владеть уже не вправе он,
А должен быть билет вручен
Немедля проходящим детям.
- 2) Коль на «кольце» трамвай стоит,
В него мальчишкам вход открыт;
К машинам можно им пробраться;
Никто не смеет запретить
Им «трогать ручку» и «звонить».

3) Но запрещается: а) кататься
На буферах б) и прицепляться
К прицепу, в) на ходу скакать,
г) На рельсах бегать и играть.
д) Вы говорите, что «успеем,
Мол, выпрыгнуть». Таким затеям
Не верим. (Стукнул о порог
В знак подтверждения Хромоног.)
И сильно сомневаться смеем,
Чтоб в золото порою мог
Затвердевать на рельсах ток.

XIX. Мы бесконечно сожалеем,
Но выполнить не удалось
Нам ваших некоторых просьб:
1) Чтобы пожарные вас брали
С собою на пожар; 2) чтоб вас
С лесов строительных спускали
В пустых ведерках. (Что «не раз
Уж это было», что «покажем
Мы это королю» — для нас
Нисколько не резон. Мы скажем,
Что вовсе не хотим смотреть,
И с этим приставать — не смей!)

3) Решением Нашим непреклонно
Да будет вам запрещено
Взрывать на улицах пистоны
На пасху ль, в будни — все равно.
Мы этим пунктом завершаем

Огромный список ваших прав.
Мы вам лишь мелочь запрещаем,
Так много привилегий дав,
Мы верим вам и уповаем,
Что вы, столь щедрый дар приняв,
Его достойны. Обещаем
Щедрот монарших новый рой
И много милостей и ласки.
Вот подпись собственной рукой:
Добрейший Ян, король Варшавский.
Печать же ставим мы Зарей
Свободы, что глядит в оконце
И уж выводит за собой
Спасенья солнце.

Ну, юность, счастьем стань! Пора!
Ну, мальчики, виват, ура!
Пусть грянут ваши восклицанья
Во славу радости!..
Молчанье.

Стоят, насупившись. В паркет
Глядят с угрюмою тоскою.
Весь мир для них покрылся тьмою.
Нет, этого не ждали. Нет!..
И, кажется, под плач и стоны
Они сейчас покинут свет!..
Ужасный, тягостный запрет —
Пистоны!

Вздохнули Лук, Пила и Мышь,
Хромой и Рыжий: «Тоже! Ишь!
Как быть теперь? Скажите честно.
Уж если в праздник не палить,
Так то не праздник. Как же быть?
Нам так неинтересно».
Их было шесть. Вдыхало пять.
Шестой, как призрак, лишь внимать
Умел, пока текла беседа...
Король смотрел через него,
Как сквозь стекло, и ничего
Ему — его не видя — не дал...
Король, сурово хмурия глаз,
Так им сказал с усмешкой тайной:
«В такой печали чрезвычайной
Неплохо и утешить вас.
В мой сад гулять вы отправляйтесь!
Ворота, шире открывайтесь!»

IX

По траве блестящей,
По свежему лугу
В снежных юбках ходят панны,
Гуляют по кругу.

Панны не простые —
Мастеровы дочки,

Поверх кофточек сверкают
Бусы на шнурочке.

Облачком тумана
Подлетели к милым,
Розовым благоухая
Над лугами мылом.

Паны кавалеры,
Мы вас просим, просим.
На траве белеет скатерть,
Кушанья подносим.

На скатерти булки,
Огурцы и кильки.
Сели есть — и не осталось
Ни шкурки, ни жилки.
От бубликов, от баранок
Проглотили дырки.

Кушали колбасы,
В горчицу макая,
В полную заедут банку —
И она пустая.

С громким треском, с хрустом
Грызли корнишоны,
Шкварки прыскали, шипели
В капусте тушеной.

Воблы и селедки,
Копченые рыбы,
Если б у вас ножки были,
Все же не ушли бы.

Масло золотое
На слипшихся шпротах,
Есть в ролльмопсах деревяшки —
Что ж, туда же, в рот их!

Ох, вишни, черешни!
Прекрасные панны
Вас трясли, трясли с деревьев,
Наполняя жбаны.

Воробьи слетятся,
Чтоб склевать остатки,
Но и косточек не сыщут —
Так черешни сладки.

После подносили
Кавалерам панны
Вафли, пончики с повидлом,
Крем благоуханный,

Маковки, ириски,
Мягкие тянучки,
Ломтики рахат-лукума,
Сахарные штучки.

Меда ком рубили
Топором на части,
Пальцы липнут, зубы вязнут —
Вот какие сласти!

Эти яблоки на палках
Сладки и пригожи!
Леденцы еще послаще
И на палках тоже.

Запивали хлебным квасом,
Содовою с соком:
Малиновый, апельсиновый
Хлынули потоком.

Если ложкой помешаешь,
Зашипит в них пена,
Пузыречки в нос ударят —
До чего отменно!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИЗ ГЛАВЫ ВТОРОЙ

V

В те дни поэмы этой автор,
Пороки получив в удел
От господ и тем смущенный,
Не допускаем был в салоны,
Но в кухне он уже сидел.
В те годы детские, что любим
Мы вспоминать блаженно так,
Ему служила кухня клубом,
Как впредь кофейня и кабак.
А там пен-клуб явился... Sorry ¹,
Милей мне кухня, вот в чем горе.
Из кухни в жизнь влекла меня
Дорога, новизной прекрасной,
Игрой случайностей маня,
Сквозь кухни дверь тревожно, властно
Врывался свет чужого дня
В наш серый день, что брел, качаясь,
То вдруг к достатку наклоняясь,
То в бедность голову клоня.

¹ Прошу прощения (*англ.*).

(Так между «бурею» и «ясно»,
Не ведая, что день сулит,
Игла барометра дрожит...
А впрочем, наша неизменно
Показывала «переменно».)
Парадный ход и черный ход.
Меж ними пролегли дороги
Мещанских всех социологий,
Нюх классовый тут круглый год
Распределяет весь народ:
Парадным ходом входят паны,
А черным «человек» идет,
Здесь «званный», ну а там «незванный»,
Здесь «мы», а там «они», «оно» —
С парадной «им» запрещено.
На кухню забредал и нищий,
Чтоб выпросить горячей пищи,
Озябнувшие руки грел
Над раскаленною плитою
И суп горячий жадно ел
С горохом, с клецками, с крупю.
На кухню забредал порой,
Как некий отзвук старой песни,
С машин напевом несовместной,
Весь фантастический (Нестрой¹
Таких изображал) ремесленник,

¹ Иоганн Нестрой (1801—1862) — австрийский драматург.

Вселенский гражданин, и был
Он горд, что мир весь исходил.—
Порой в плите печник копался
И кафель ободрать старался
До алой плоти кирпичей;
Сопел он, силы напрягая,
Как будто сам был печь больная;
Смотрел я, как все злей и злей
Месил он глину почему-то,
Как в топке исчезал, как будто
Себя похоронил он в ней.—
Порою там торговец черный
На свет рассматривал упорно
Поношенную пару брюк;
Он подымал ее в сомненьи,
Как кантор при богослуженьи
Подъемлет тору. Если вдруг
Она исчезла бы из рук,
Осталось бы благословенье.—
На кухне стирка. День кипел
И пенился. В лохани пухла
Цветная буря. Пар летел,
И сказочные песни пел
Мираж, переполнявший кухню.
Лохань. Ворожея тех дней,
Старушка прачка все над ней
Сгибалась худенькою спинкой
И о шершавый край доски

«Цветное» терла и «куски»,
Синила васильковой синькой,
Сияя каждою морщинкой.
Седой и хрупкою вошла
Она в мои воспоминанья.
У ней всему свои названья,
Лишь мать по имени звала.
Ее ж мы звали «котелочек».
Чтоб шла работа веселей,
На кухне подносили ей
«Лимонной» «крошечный глоточек».
Она теперь в раю. Шурша,
Она там ангелам стирает,
Лишь чистая ее душа
Ту кухню в Лодзи навещает.—
Входила птичница. Вдова
Тряпичника. Едва жива
Нужды богиня и терпенья,
Достойная того, чтоб хор
Античный руки к ней простер
И славил в вещем песнопеньи.
По городу, как будто мор
За ней гнался, она бежала
И, правда, детям угрожала.
Смерть с голоду, болезнь, беда.
Ища еды, она всегда
За „кинделах“ — детей дрожала.
Один лежал под грудью, гол,

Держались двое за подол,
А четверо сидели «дома»
В углу, посыпанном соломой.
Я был там с мамой; дал ей я
Еды и узелок тряпья.
Она лежала, чуть прикрыта,
На рвани,— так худа, мала,—
Подобно суке, что была
Собачьим богом позабыта...
По-женски тихо застыдясь,
С улыбкой робкой принялась
Она разглаживать солому,
Но говорил нам ясно взор,
Что в мыслях со двора на двор
Она бежит, от дома к дому
С цыплятами,— скорей, скорей
Достать бы хлеба для детей.
И «кинделах», один к другому
Прижавшись, не сводили глаз
Ни с матери своей, ни с нас...
У ней мы с мамой снова были,
Когда ж пришли мы в третий раз,
Ее уже похоронили.—
Была сквозь кухню введена
Антося к нам — вещунья, сага,
Мятеж, индийская княжна
Из Конины. В глазах — отвага;
Весельем вся озарена!

Глаза ее пылали яро,
Как два эбеновых пожара,
Как два горячие костра!
Темна, костиста и добра.
(Такие ночи у монголов,
Цыганки в небе, в райских селах.) —
Пришла, неграмотна, мудра...

.

ЭПИЛОГ

Мой стих, твой путь всего страннее...
Подумай, в Рио-де-Жанейро
Ты расцветал оранжерейно,
А там (ты помнишь, архидеи,
Флор-де-Ипе, жасмин де-Кабо,
Маракуя и фламбоянты —
Шестиэтажные гиганты,
Цветы которых так кровавы),
Там, скажем прямо, надо мало,
Чтоб щедрая земля давала
Все для мечтаний, для поэмы,
Всем пожеланьям потока, —
Такая высь, земля такая!
И не были те рощи немые.
Как сено, я собирать привык
С Копакабаны, с Ипанемы,
С Тижуки, с Ботафого, с Леме ¹

¹ Пригороды Рио-де-Жанейро.

Прелестных польских слов цветник.
Гремит по Рио-де-Жанейро
Стих, как базар персидский, дерзкий,
Как пестрый карнавал затейный,
А в нем садовник, не floreiro ¹,
Не jardineiro brasileiro ²,
А наш приятель пан Дзеверский.
О Рио-цветень, Colorio!
Мозаик змеи завитые
На легкой арке Авениды!
О Рио, остров Атлантиды,
Обломок, чудом уцелевший,
Лазурь небесную задевший
Лианой, пальмой, ввысь взлетевшей,
Зубцами скал, холмов зеленых.
О край колибри, ночью, днем
Снующих за моим окном!
О Рио, маг ночей бессонных,
Зари рассветной цвета меди,
Все побережье золотящей!
Кому пригрезился ты в бреде?
Наверно, океан гремющий
Здесь землю целовал, покуда
Не родилось такое чудо...

¹ Садовод (*португ.*).

² Бразильский садовник (*португ.*).

Другие ж утверждают рьяно,
Что сам господь гулял здесь пьяный
И дал тебе существованье,
Теряя негров, пальмы, скалы,
Цветок то голубой, то алый...
О благостная эскапада!
Спасибо. Muito obrigado ¹.
За Рио, за стихи изгнания.

Мой стих, зачатый болью острой,
За морем свет увидел ты.
Рожден в цветах, живой и пестрый,
Ты обратишься вновь в цветы.
Когда в поэме длинной этой,
Любовью искренней согретой,
О людях повествую я
И песней, не всегда допетой,
Касаюсь тайн их бытия,
Когда пером в их душах роюсь,
В густых кустах поэмы кроюсь
(Как похотливый ученик,
Что взором сквозь кусты приник
К нагим и темно-золотистым
Купальщицам, а в небе чистом,
Таким медово-маслянистым,

¹ Весьма обязан (*португ.*).

Луне тройной чуть слышен звук:
Смех, плеск воды и сердца стук),
Когда их, как отец, стегаю,
Когда их веточкой гоняю
С пути на путь в своих стихах,
Я неизменно вспоминаю,
Что родились они в цветах.
Как фокусник, из модной шляпки
Вытаскивающий за лапки
Двух кроликов и роз охапки,
Гирлянды лент, стакан вина,
Так силой слова чародейской
Я извлекаю сор житейский
Из глубины почти летейской,
Из памяти двойного дна.
...Букет был деревенский, честный...
(«Букет в деревне, как известно,
Завязывают тугу, тесно...»
Легендой этот стих мой стал —
Так много он в себя вплетал
Ворсинок грусти и мечтанья...)
Был сад... Был сон... Был шумный дождь...
Шептали розы предсказанья...
Был пламень... И бросало в дрожь...
Была любовь... Была отрада...
Была...

Но тут я зорким взглядом

Приметил лица меж цветов;
За строчками, как за оградой,
Блеск чьих-то глаз, событий зов...
Там люди! Да ведь ты злодейство
Свершил, поклонник чародейства!
Превысил меру ты — и вот
Что натворил стихом ты жарким!
Жезлом волшебным фирмы Паркер
Что ты наделал, рифмоплет!
Там, за оградой из ямба,
Клубится вихрь судеб, страстей.
Гляжу.

Так в смысл своих затей
И бог не вглядывался сам бы.
Родившиеся из цветов,
Там люди по цветам гадают,
Как заключенные, считают
Дни, годы по строкам стихов.
И стихотворную ограду
Трясут, толкают, тормошат,
И свирепеют, и кричат,
И требуют себе в награду
Ночей без горя, без забот
И легких дней. Вот так народ,
Восстав, ведет дворца осаду
И просит хлеба и свобод.
Все счастья ищут сиротливо
За каждою моею строкой.

Один мечтает «стать счастливым»
И «осчастливливать» — другой.

.
.

Из досок — стол, из камня — дом,
Из боли создан стих мой горький!
Над Вислой, на высокой горке,
Сирена нам поет о том,
Что Висла все течет, струится
И клад в ее воде таится.
Мой стих, стянул ты, как струна,
Ее изгибы и излуки,
Ты вырываешься из муки,
Как чистый родничок из дна...
О стих, рожденный из развалин
Любви моей, страны моей,
Плыви в водоворот страстей,
Как слезы, радужно-хрустален!
Вытягивайся, стань длинней,
Чтобы туда — домой — пробиться,
И с Вислою течение слей...
А Висла все течет... струится...
Мать-Польша, сердце говорит
С тобой на языке молитв.
Ты колыбельную мне пела,
И до сих пор она звучит
Во мне, давно уж поседелом;

Потом ты мальчика, меня,
В мазурке легкой закружила,
Потом ты, сердце ввысь маяя,
Меня молиться научила,
И все на том же языке,
На польском, на котором ныне,
В надежде, в ужасе, в тоске
Я оробелый, я в пустыне
Пою от Вислы вдалеке,
Что Висла все течет... струится...
О родина, о стих, о мать —
Как этим трем словам не слиться!
Твержу я: «Висла все струится!..»
Пою я: «Висла все струится!..»
Готов я показанья дать
Поэзии, как трибуналу:
Что я, чья муза целину
Родного языка вспахала
До самых недр, на глубину,
Я, отыскавший в нем металлы,
Нефть, уголь, золотой песок,
Как ягоды в свой туесок,
В язык собравший, не конфузясь,
Цветов бразильских едкий сок
И травы штата Массачусетс,
Познавший жизнь его корней,
Его ствола, его ветвей,
Я, как пчела цветы, все песни

Уже испробовавший, если
Вы спросите, скажу в ответ,
Что серебристей и прелестней,
Чем эта песня, в Польше нет.

Река, ты звезды отражаешь
Варшавские в волнах своих,
Пыланье зорь ты повторяешь,
Как губы повторяют стих
(Хоть гладко и без запинанья,
Но сладко голоса дрожанье,
Как колыханье звезд в воде,
Особенно в том месте, где
Слез тайных слышно трепетанье).
Река, тебе читать отрывки
Поэмы неба довелось,
И строфы туч твердить вразбивку,
Зорь Илиады, саги гроз
И звезд Священное писанье —
И вдруг пришлось отобразить
Пожар Варшавы и завывать,
Ее услыша завыванье!
Был свод небес испепелен
Огнем, но ты, неколебима,
Текла, в огне со всех сторон,
Текла горда, непобедима,
И перевернутые дымы

Текли в тебе, огнем палимы,
Как алых шествие знамен.

За небывалым цветом алым,
Который ты в волнах скрывала,
Мы, гневные, вернемся вновь
С надеждой новой, с верой новой,
И вновь взнесет наш вихрь суровый
И блеск, и крик, и стих, и кровь.

*Рио-де-Жанейро,
ноябрь, 1940—
Нью-Йорк, июль, 1944*

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Из главы первой 13

Из главы второй 37

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Из главы первой 57

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Из главы второй 75

ЭПИЛОГ 83

Юлиан Тувим

ЦВЕТЫ ПОЛЬШИ

Редактор Н. Подольская

Художественный редактор

Г. Масляненко

Технический редактор

М. Фридкина

Корректоры

З. Тихонова, Н. Усольцева

И(Пол)

Т81

Сдано в набор 11/XI 1970 г. Подписано
в печать 10/II 1971 г. Бумага мелован.
Формат $70 \times 90\frac{1}{32}$. 3,0 печ. л. 3,5 усл.
печ. л. 2,87 уч.-изд. л. Тираж
30 000 экз. Заказ 3975. Цена 55 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16

55 коп.